

по делу следует прекратить согласно п. 1 ст. 74 Правил рассмотрения хозспоров Госарбитражами¹.

ВЫВОДЫ

Описанное дело интересно тем, что сугубо внутренний, на первый взгляд, спор оказался зависим от международно-правового принципа иммунитета международных организаций, о котором, как представляется, не все имеют исчерпывающее понятие даже сегодня. В свете вышесказанного является важным правильно оценивать значение основополагающих международно-правовых правил и принципов для овладения всем арсеналом средств правовой защиты при представлении интересов своих клиентов в судебных и арбитражных процессах.

В.А. Степанов,
партнер международной юридической фирмы “ММЦП и К⁰”

¹ Приводимый ниже текст соответствует оригиналу.

Статья поступила в редакцию в декабре 1999 г.

СОБСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКРЕПЛЕННАЯ ЗА ЦЕНТРАЛЬНЫМ БАНКОМ РОССИИ И НАХОДЯЩАЯСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ: НЕКОТОРЫЕ НЮАНСЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЦЕНТРАЛЬНОМ БАНКЕ И ОБ ИММУНИТЕТЕ ГОСУДАРСТВА И ЕГО СОБСТВЕННОСТИ

1. Постановка проблемы

Относительно недавно в международную юридическую фирму “ММЦП и Ко” обратился один из крупнейших иностранных банков с просьбой подготовить заключение по вопросу о позиции внутреннего российского права в отношении возможности принятия иностранным судом обеспечительных мер применительно к находящимся в иностранном государстве денежным средствам Центрального Банка Российской Федерации (далее именуемого “ЦБ”), относящимся к собственности Российской Федерации, причем в рамках потенциального разбирательства по иску иностранного лица к России ввиду долгов последней, а также о позиции внутреннего российского права в отношении возможности обращения взыскания на такие средства.

По данному вопросу клиента интересовала позиция именно внутреннего российского права: как он указал, право иностранного суда придерживалось принципа “функционального” иммунитета иностранных государств и их собственности, и не устанавливало из него никаких изъятий в отношении имущества центральных банков, ввиду чего принятие таким судом на его территории указанных обеспечительных мер или осуществление указанного взыскания в принципе представлялись возможными. Данный интерес клиента был продиктован тем, что он не исключал возможности использования одной из сторон потенциального спора ссылок в пользу своей позиции на российское внутреннее право. При этом клиент понимал, что иностранный суд, применяя по указанному

вопросу *lex fori*^{*}, не являлся бы связанным положениями российского права и мог бы игнорировать подобные ссылки. Тем не менее, нельзя было исключать и того, что он мог к ним прислушаться хотя бы в какой-то мере.

При подготовке данного заключения международная юридическая фирма “ММЦП и К^о” по просьбе клиента не учитывала содержание международных договоров, заключенных между Российской Федерацией и интересовавшим клиента иностранным государством: данный аспект являлся весьма специфическим и требовал отдельного исследования.

Подготовленное заключение клиента более чем удовлетворило и было использовано им для выработки своей позиции. Кроме того, выводы, к которым в данном заключении пришла международная юридическая фирма “ММЦП и К^о”, представляют немалый практический и теоретический интерес, ввиду чего они в переработанном соответствующим образом виде излагаются ниже.

2. Предварительные соображения

Следует особо отметить, что приводимый ниже анализ осуществлялся в отношении не реального, а потенциального спора, причем последний носил гипотетический характер: как известно, право многих государств, придерживающихся принципа “функционального” иммунитета иностранного государства и его собственности, часто, тем не менее, устанавливает из этого принципа изъятия в пользу центральных банков иностранных государств и их имущества. Все это, безусловно, говорит о том, что возможность принятия иностранным судом обеспечительных мер в рамках разбирательства по иску иностранного лица к Российской Федерации ввиду долгов последней применительно к находящимся в иностранном государстве денежным средствам ЦБ, относящимся к собственности Российской Федерации (далее также именуемых “заграничные обеспечительные меры против федерального имущества ЦБ”), а также возможность обращения за рубежом взыскания на такие средства (далее также именуемого “заграничное обращение взыскания на федеральное имущество ЦБ”) не всегда является вероятной с практической точки зрения¹.

Тем не менее, дело не в этом: даже если считать, что риск заграничных обеспечительных мер и заграничного обращения взыскания благодаря положениям иностранного права невелик, это вовсе не значит, что российское право не должно занимать какую-либо позицию по данным вопросам. Напротив, такая позиция должна быть четкой и активной, так чтобы и Российская Федерация, и ЦБ, и любые другие заинтересованные лица могли использовать ее в своих интересах².

Соответственно, настоящая статья посвящена именно выяснению вопроса о том, как российское право относится к возможности принятия заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ и к возможности заграничного обращения взыскания на такое имущество. То, что данный вопрос является достаточно актуальным, сомнений не вызывает, особенно после экономических событий августа 1998 г.

На первый взгляд, может показаться, что ответ на него достаточно прост: можно утверждать, что коль скоро отечественное право всегда придерживалось доктрины “абсолютного” иммунитета иностранного государства и его собственности³, то современное российское право должно отрицательно относиться к возможности принятия заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ и к возможности заграничного обращения взыскания на такое имущество. Однако в действительности все совсем не так просто, что и будет продемонстрировано ниже.

Непосредственно обращаясь к предмету настоящей статьи, следует сказать, что имевшие место в экономике России события августа 1998 г. достаточно остро

^{*} Закон суда (*лат.*)

поставили перед отечественным правом, причем уже в практической плоскости, вопросы, которые в течение последних лет утрачивали свою прикладную значимость, а также незаслуженно не пользовались вниманием и в теории. Один из них — частноправовой и процессуально-правовой статус собственности Российской Федерации (в том числе находящейся за границей) в отношениях с участием иностранных лиц. Ввиду того, что данный вопрос разрабатывался преимущественно в советском международном частном праве, а затем в новых экономических условиях его значимость снизилась, на сегодняшний день его доктринальное освещение, равно как и нормативное регулирование в целом остались практически неизменными по сравнению с периодом десятилетней давности. Соответственно, такое нормативное регулирование перестало отвечать возникающим потребностям оборота и вошло с ними в противоречие. Все это определенности и предсказуемости отечественного права совсем не способствует.

Итак, как известно, Российская Федерация имеет определенные неисполненные обязательства перед определенными субъектами иностранного права. Также известно, что ЦБ имеет на территории иностранных государств то или иное имущество, в том числе авуары в иностранных банках. Далее, согласно статье 2 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 394-1 "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)"⁴ *"Уставный капитал и иное имущество Банка России являются федеральной собственностью"*. Соответственно, в свете данной нормы возникает вопрос: с точки зрения российского права могут ли иностранным судом по исковым требованиям иностранных субъектов к Российской Федерации быть приняты обеспечительные меры в отношении находящихся за границей денежных средств ЦБ и может ли быть на них обращено взыскание по долгам Российской Федерации?

Анализ действующего российского законодательства показывает, что прямой ответ на данный вопрос в нем не содержится.

Правда, следует отметить, что 2 июня 1999 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации Постановлением № 4017-II ГД⁵ приняла Федеральный закон "Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом". И хотя 9 июня 1999 г. он был одобрен Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 242-СФ⁶, однако в конечном итоге Президент Российской Федерации его отклонил. Статья 8 "Иммуниет собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом" данного законопроекта⁷ гласила: *"1. К собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, не допускается применение односторонних действий, ущемляющих интересы Российской Федерации со стороны иностранного государства местонахождения объектов собственности Российской Федерации, органов власти и органов управления иностранного государства местонахождения объектов собственности Российской Федерации, иностранных юридических лиц и иностранных граждан."*

2. *Объекты собственности Российской Федерации, находящиеся за рубежом и обладающие иммунитетом собственности Российской Федерации, не могут быть предметами исков, обеспечения исков (ареста и другого) и объектами принудительного исполнения судебных решений.*

3. *Правовой статус объектов собственности Российской Федерации, находящихся за рубежом, в отношении которых действует иммунитет собственности Российской Федерации определяется федеральным законом об иммунитете государства и его собственности.*

4. *В случае нарушения иностранными государствами, иностранными юридическими лицами или иностранными гражданами иммунитета объектов собственности Российской Федерации, находящихся за рубежом, Российской Федерацией могут быть установлены ответные ограничения в отношении объектов собственности таких иностранных государств, иностранных юридических лиц и иностранных граждан на территории Российской Федерации в соответствии с общепризнанными*

принципами и нормами международного права и законодательством Российской Федерации'.

Можно утверждать, что данный законопроект являлся в отечественном праве первой попыткой нормативно закрепить иммунитет находящейся за рубежом собственности Российской Федерации и выразить резко отрицательное отношение к заграничным обеспечительным мерам против федерального имущества ЦБ и обращению взыскания на такое имущество. Тем не менее, указанные положения в силу не вступили. Правительство Российской Федерации в своем заключении от 3 августа 1998 г. № 3878П-П5⁸ на данный законопроект в целом выразило положительное к нему отношение, но признало его принятие преждевременным: *"В целом рассматриваемый проект закона представляется сбалансированным с точки зрения предполагаемых дополнительных бюджетных расходов и потенциальных доходов."*

Вместе с тем, наряду с необходимостью уточнения и доработки финансово-экономического обоснования, текст законопроекта нуждается в существенной доработке с точки зрения концепции и устранения смысловых противоречий, что способно изменить финансовые результаты действия закона.

Учитывая изложенное, рассмотрение данного законопроекта Государственной Думой представляется преждевременным'.

И действительно, данный законопроект имел с точки зрения концепции и юридической техники немало недостатков.

Отмеченные обстоятельства, а также то, что продолжающее в соответствующей части применяться советское регулирование провозглашало принцип "абсолютного" иммунитета иностранного государства и его собственности, равно как и ряд других соображений, позволяют прийти к выводу о том, что в действующем российском праве бессмысленно искать конкретные нормы, которые свидетельствовали бы о положительном или одобрительном отношении последнего к возможности принятия заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ и к возможности заграничного обращения взыскания на такое имущество.

Соответственно, остается предположить, что в действующем российском праве присутствие либо общие положения, которые указывают на отрицательное его отношение к указанным возможностям, либо оно свое отношение к данной проблеме осознанно никак не выражает, оставаясь индифферентным.

3. Анализ первого возможного аргумента о недопустимости осуществления заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ или заграничного обращения взыскания на такое имущество (необходимость согласия ЦБ на них)

В связи со сказанным обращает на себя внимание, прежде всего, норма статьи 2 Федерального закона "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)", согласно которой *"Изыятие и обременение обязательствами имущества Банка России без согласия Банка России не допускаются"*.

Учитывая, что ничто в данной норме и в самом Федеральном законе "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" не указывает на территориальный характер их действия, следует исходить из того, что с точки зрения российского права данная норма может иметь и экстерриториальное применение, то есть может быть применена и к правоотношениям, локализованным за пределами России.

Соответственно, возникает вопрос: может ли данная норма рассматриваться как не допускающая заграничные обеспечительные меры против федерального имущества ЦБ и заграничное обращение взыскания на такое имущество? Безусловно, так считать можно (а с практической точки зрения даже и нужно в случае необходимости защиты прав Российской Федерации или ЦБ). Однако вдумчивый анализ позволяет прийти к выводу о том, что, скорее всего, такое мнение правильным не является. Представляется, что в приведенной норме имеется в виду невозможность изъятия и обременения имущества ЦБ обязательствами только в области материально-правового оборота, а не в процессуальной сфере

и не в сфере исполнения судебных актов. Иными словами, в ней говорится о том, что ни Российская Федерация как собственник и участник правового оборота, ни другие субъекты правового оборота (не осуществляющие судебные функции или функции по исполнительному производству) не могут без согласия ЦБ изъять или обременить обязательствами имущество последнего (сказанное, как показывает практика, не распространяется на случаи изъятия такого имущества в пользу Российской Федерации согласно отдельным федеральным законам⁹). Правильность вышесказанного подтверждается, например, пунктом 2 статьи 235 Гражданского кодекса РФ, который предусматривает: *“Принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда по основаниям, предусмотренным законом, производятся:*

1) обращение взыскания на имущество по обязательствам (статья 237);...’.

В самом деле, невозможно предположить, что российские суды или судебные приставы отказались бы на основании именно статьи 2 Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” наложить арест на имущество ЦБ или обратиться к нему с взысканием. Но если данный тезис верен в отношении российских судов и судебных приставов, то почему он не может быть верен в отношении иностранных судов и иностранных органов, осуществляющих исполнительное производство? Речь идет не о том, что приведенная норма обязательна для иностранных судов и иностранных органов, осуществляющих исполнительное производство. Речь идет только о том, что данная норма не может рассматриваться как выражающая отрицательное отношение российского права к осуществлению заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ или к заграничному обращению с взысканием на такое имущество: на самом деле она имеет иной смысл. Вместе с тем, несомненно то, что согласно этому смыслу ни один иностранный субъект правового оборота (не осуществляющий судебные функции или функции по исполнительному производству) не может без согласия ЦБ изъять или обременить обязательствами имущество последнего.

Таким образом, первое возможное соображение о недопустимости осуществления заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ и против заграничного обращения с взысканием на такое имущество не является, к сожалению, основательным.

4. Анализ второго возможного аргумента о недопустимости осуществления заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ или заграничного обращения с взысканием на такое имущество (раздельная правосубъектность ЦБ и Российской Федерации)

Далее, представляется вполне очевидным, что в качестве выражающих самым общим образом отрицательное отношение отечественного права к осуществлению заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ и к заграничному обращению с взысканием на такое имущество могут рассматриваться те его положения, которые устанавливают принцип раздельной правосубъектности Российской Федерации и созданных ею юридических лиц и принцип невозможности возложения на последние ответственности по обязательствам первой.

В самом деле, все та же статья 2 Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” прямо устанавливает, что ЦБ является юридическим лицом, то есть отдельным субъектом права, и далее четко говорит: *“Государство не отвечает по обязательствам Банка России, а Банк России — по обязательствам государства, если они не приняли на себя такие обязательства или если иное не предусмотрено федеральными законами”* (следует исходить из того, что ЦБ не принимал на себя обязательства Российской Федерации и иное федеральными законами не предусмотрено: в противном случае, тем более устраняются сомнения в возможности осуществления заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ или заграничного обращения с взысканием на такое имущество). Далее, пункт 2 статьи 126 Гражданского кодекса РФ устанав-

лива: *“Юридические лица, созданные Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями, не отвечают по их обязательствам”*. В том, что ЦБ является юридическим лицом, созданным Российской Федерацией, сомнений быть не может.

На первый взгляд, приведенные нормы ясно свидетельствуют об отрицательном отношении российского права к возможности осуществления заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ и к возможности заграничного обращения взыскания на него. Тем не менее, существуют доводы, способные данную точку зрения поставить под сомнение.

Во-первых, следует исходить из того, что иностранные лица, требующие осуществления заграничных обеспечительных мер или заграничного обращения взыскания, могут утверждать, что они преследуют вовсе не цель заставить ЦБ отвечать по обязательствам Российской Федерации, а только цель заставить саму Российскую Федерацию отвечать по ее обязательствам за счет ее имущества, пусть даже и переданного ЦБ. При этом они могут ссылаться на то, что такой подход допускается самим российским правом.

И в самом деле, например, пункт 7 не отменявшегося *“Временного положения о порядке обращения взыскания на имущество организаций”* (утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 февраля 1996 г. № 199 *“О некоторых мерах по реализации решений об обращении взыскания на имущество организаций”*¹⁰) устанавливает: *“Арест может быть наложен только на имущество должника, принадлежащее ему на праве собственности или хозяйственного ведения, а также оперативного управления (за исключением имущества учреждений и объектов, изъятых из оборота либо ограничиваемых в обороте), независимо от того, где и в чьем фактическом пользовании оно находится”*. Очевидно, что последние слова в данном пункте могут быть истолкованы не в пользу ЦБ и Российской Федерации. Однако это еще не все.

Часть 1 пункта 1 статьи 126 Гражданского кодекса РФ предусматривает: *“Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование отвечают по своим обязательствам принадлежащим им на праве собственности имуществом, кроме имущества, которое закреплено за созданными ими юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, а также имущества, которое может находиться только в государственной или муниципальной собственности”*.

В связи с этим встает интересный вопрос: а на каком праве принадлежащее Российской Федерации имущество закреплено за ЦБ — на праве хозяйственного ведения или на праве оперативного управления? Ответ не менее интересен: в действующем законодательстве не содержится указаний на то, что принадлежащее Российской Федерации имущество закреплено за ЦБ на первом или втором праве. Ранее все было достаточно просто: имущество ЦБ являлось собственностью России, но в статье 4 *“Имущество Банка России”* Устава Центрального банка РСФСР (утвержденного Постановлением Президиума ВС РСФСР от 24 июня 1991 г.¹¹) говорилось: *“Имущество Банка России составляют его денежные, включая собственные золото-валютные резервы, и иные материальные ценности, стоимость которых отражается в балансе Банка России. Это имущество принадлежит Банку России на праве полного хозяйственного ведения”*. Однако согласно статье 4 Федерального закона от 26 апреля 1995 г. № 65-ФЗ *“О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР ”О Центральном банке РСФСР (Банке России)”*¹² данный Устав силу утратил.

Соответственно, на сегодняшний день ни в Федеральном законе *“О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”*, ни в каких-либо других федеральных законах ничего не говорится о том, что принадлежащее Российской Федерации имущество закреплено за ЦБ на праве хозяйственного ведения или же на праве оперативного управления. Статья 2 Федерального закона *“О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”* ограничивается следую-

щим указанием, из которого мало что ясно: *“В соответствии с целями и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, Банк России осуществляет полномочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом Банка России”*. Правда, следует отметить то, что в пункте 2 Постановления ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. *“О финансово-кредитном обеспечении экономической реформы и реорганизации банковской системы РСФСР”*¹³, в которое, насколько известно автору, изменения до сих пор не вносились и которое не отменялось, говорится: *“Центральному банку РСФСР до 1 января 1992 года принять в свое полное хозяйственное ведение и управление по состоянию на 22 ноября 1991 года материально-техническую базу и иные ресурсы Госбанка СССР, сеть его учреждений, предприятий и организаций, расположенных на территории РСФСР”*. Однако из данной нормы все-таки четко не следует, получил ли ЦБ государственное имущество в полное хозяйственное ведение или же в оперативное управление. Кроме того, эту норму на сегодня следует считать прекратившей действие ввиду того, что она носила индивидуально-распорядительный характер и ЦБ осуществил то, что ею предписывалось, а также ввиду того, что она была заменена нормой статьи 4 Устава Центрального банка РСФСР, который сам впоследствии утратил силу.

Но тогда на каком же праве имущество Российской Федерации закреплено за ЦБ? Ответ должен быть следующим: это некое особое вещное право, в законодательстве прямо не названное и не отождествляемое ни с правом хозяйственного ведения, ни с правом оперативного управления. В пользу данного тезиса дополнительно свидетельствует следующее: согласно Гражданскому кодексу РФ правом хозяйственного ведения на имущество обладают унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения (статья 294), а правом оперативного управления на имущество обладают казенные предприятия, а также учреждения (статья 296). Очевидно, что ЦБ не является ни основанным на праве хозяйственного ведения унитарным предприятием, ни казенным предприятием. В самом деле, последние являются коммерческими организациями (пункт 2 статьи 50 Гражданского кодекса РФ), отличительным признаком которых, как известно, является преследование извлечения *“прибыли в качестве основной цели своей деятельности”* (пункт 1 статьи 50 Гражданского кодекса РФ). Между тем у ЦБ извлечение прибыли не может являться даже обычной целью, не говоря уже об основной. В самом деле, статья 3 Федерального закона *“О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”* предусматривает: *“Получение прибыли не является целью деятельности Банка России”*. Кроме того, признаки ЦБ унитарным предприятием препятствует еще и то, что у ЦБ отсутствует устав как таковой: вряд ли можно считать, что уставом для ЦБ является Федеральный закон *“О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”*. Наконец, было бы несколько странным допустить то, что осуществление публично-правовых и властных функций государство доверило коммерческой организации.

Соответственно, из всего этого следует вывод о том, что ЦБ коммерческой организацией не является, а мнение о том, что его следует рассматривать как государственное унитарное предприятие¹⁴ — ошибочно.

Но, может быть, ЦБ является учреждением, за которым имущество закреплено на праве оперативного управления? Нет, с юридической точки зрения это также невозможно. Прежде всего, пункт 2 статьи 120 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что *“Учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами. При их недостаточности субсидиарную ответственность по его обязательствам несет собственник соответствующего имущества”*. Между тем, согласно статье 2 Федерального закона *“О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”* государство не отвечает по обязательствам ЦБ.

Далее, согласно статье 9 Федерального закона *“О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”* ЦБ имеет уставный капитал, в то время как никакое иное учреждение в Российской Федерации им, насколько известно

автору, не обладает. Безусловно, вполне можно допустить, что учреждение способно обладать уставным капиталом: ничто в российском законодательстве этому не препятствует. Однако, исходя из того, что иные учреждения уставный капитал не имеют, легче допустить то, что ЦБ является особым видом некоммерческой организации, чем то, что все без исключения учреждения могут наделяться уставным капиталом.

Кроме того, пункт 1 статьи 120 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что *“Учреждением признается организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично”* (выделено мною — М.А.). Между тем известно, что Российская Федерация не финансирует ЦБ ни полностью, ни частично, так как согласно статье 2 Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” *“Банк России осуществляет свои расходы за счет собственных доходов”*. В ответ на это можно возразить, что финансирование ЦБ было осуществлено при его создании и *“На этом финансирование Банка России Российской Федерацией было прекращено. Таким образом, в случае с Банком России собственник финансирует созданное им юридическое лицо частично, только при его создании”*¹⁵. Допуская возможность подобного подхода, все же следует сказать, что вряд ли он правилен. По меньшей мере, не соглашаться с ним позволяет лингвистическое толкование слов *“финансируемая им полностью или частично”*, тем более в условиях, когда Российская Федерация принципиально не допускает возможности предоставления ЦБ бюджетных средств на безвозвратной основе (не говоря уже о том, что сомнителен тот факт, что российское государство действительно реально выделяло денежные средства для ЦБ в качестве оплаты уставного капитала последнего). Соответственно, из всего этого следует вывод о том, что ЦБ не следует рассматривать как учреждение, как это иногда предлагается¹⁶. При этом возможные ссылки на то, что Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” предусмотрел особый вид учреждения в соответствии с пунктом 3 статьи 120 Гражданского кодекса РФ (*“Особенности правового положения отдельных видов государственных и иных учреждений определяются законом и иными правовыми актами”*) вряд ли будут основательными: согласно части 2 пункта 2 статьи 3 Гражданского кодекса РФ (*“Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу”*) Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” в любом случае должен был соблюсти требования пунктов 1 и 2 статьи 120 Гражданского кодекса РФ, а это не было им сделано.

Таким образом, не остается ничего иного, как заключить, что имущество Российской Федерации закреплено за ЦБ на особом вещном праве, не отождествляемом ни с правом хозяйственного ведения, ни с правом оперативного управления, хотя и очень близком к одному из них. Данное утверждение вполне согласуется с пунктом 1 статьи 216 Гражданского кодекса РФ, не устанавливающим закрытого перечня вещных прав: *“Вещными правами наряду с правом собственности, в частности, являются:*

право пожизненного наследуемого владения земельным участком (статья 265);

право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (статья 268);

сервитуты (статьи 274, 277);

право хозяйственного ведения имуществом (статья 294) и право оперативного управления имуществом (статья 296)”.

Ввиду этого можно утверждать, что встречающиеся в литературе утверждения о том, что имущество Российской Федерации закреплено за ЦБ на праве хозяйственного ведения¹⁷ или же на праве оперативного управления¹⁸, вряд ли являются правильными.

На основании сказанного и исходя из того, что согласно пункту 1 статьи 50 Гражданского кодекса РФ юридические лица делятся на коммерческие и некоммерческие и последние, в отличие от первых, в качестве основной цели своей

деятельности извлечение цели не преследуют¹⁹, необходимо признать, что ЦБ является особой некоммерческой организацией. Следует отметить, что автор не первый, кто приходит к такому выводу²⁰. При этом является несомненным, что пункт 2 статьи 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ “О некоммерческих организациях”²¹ (“Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ”) к ЦБ вполне применим: в самом деле, ЦБ создан для достижения социальных и управленческих целей, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. Среди таких целей фигурируют, в частности, следующие: “защита и обеспечение устойчивости рубля, в том числе его покупательной способности и курса по отношению к иностранным валютам;

развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации;
*обеспечение эффективного и бесперебойного функционирования системы расчетов*²².

Можно далее указать и на то, что организационно-правовая форма некоммерческой организации, в которой функционирует ЦБ, не упомянута ни в Гражданском кодексе РФ, ни в Федеральном законе “О некоммерческих организациях”. В самом деле, ЦБ не является ни потребительским кооперативом, ни общественной или религиозной организацией, ни фондом, ни учреждением, ни объединением юридических лиц (ассоциацией или союзом), которые все упомянуты в §5 главы 4 Гражданского кодекса РФ, а также не относится ни к государственному корпорациям, ни к некоммерческим партнерствам, ни к автономным некоммерческим организациям (дополнительно упомянутым в Федеральном законе “О некоммерческих организациях”). Но при этом факт отсутствия указания на такой особый вид некоммерческой организации ничего не значит: в каждом из двух указанных нормативных актов предусмотрено, что некоммерческие организации могут создаваться и в других формах, предусмотренных федеральными законами (пункт 3 статьи 50 Гражданского кодекса РФ; пункт 3 статьи 2 Федерального закона “О некоммерческих организациях”). Соответственно, следует признать, что Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” как раз и предусмотрел такую особую форму, в которой, правда, существует пока только одно единственное лицо, а именно ЦБ. Соответственно, никак нельзя согласиться с тем, что “Российской Федерацией, как собственником имущества, некоммерческая организация может быть создана только в форме учреждения...”²³.

Любопытно отметить и следующий момент. Пункт 1 статьи 4 Федерального закона “О некоммерческих организациях” предусматривает, что “Некоммерческая организация имеет наименование, содержащее указание на ее организационно-правовую форму и характер деятельности”. Соответственно, встает вопрос, на который достаточно сложно дать ответ: соответствует ли данному требованию наименование “Центральный банк Российской Федерации (Банк России)”?

Итак, коль скоро часть 1 пункта 1 статьи 126 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что “Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование отвечают по своим обязательствам принадлежащим им на праве собственности имуществом, кроме имущества, которое закреплено за созданными ими юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, а также имущества, которое может находиться только в государственной или муниципальной собственности”, коль скоро имущество Российской Федерации за ЦБ на праве хозяйственного ведения или оперативного управления не закреплено, и коль скоро денежные средства могут находиться не

только в государственной собственности, то отсюда можно сделать вывод о том, что, с точки зрения статьи 126 Гражданского кодекса РФ, ничто формально не препятствует тому, чтобы в отношении денежных средств ЦБ могло иметь место как осуществление заграничных обеспечительных мер, так и заграничное обращение взыскания по долгам Российской Федерации.

Следует также подчеркнуть, что ничто в только что процитированной норме Гражданского кодекса РФ²⁴ не указывает на территориальный характер ее действия, ввиду чего следует исходить из того, что она, с точки зрения отечественного права, может иметь и экстерриториальное применение, то есть может быть применена к правоотношениям, локализованным за пределами России.

В свете всего вышесказанного, довод иностранных лиц о том, что они преследуют вовсе не цель заставить ЦБ отвечать по обязательствам Российской Федерации, а только цель заставить саму Российскую Федерацию отвечать по ее обязательствам за счет ее имущества, пусть даже и переданного ЦБ, будет достаточно весомым.

Безусловно то, что полученные нами выводы базируются на формально-логическом толковании российского закона, а не на духе нормы статьи 2 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», согласно которой *«Государство не отвечает по обязательствам Банка России, а Банк России — по обязательствам государства...»*. Является очевидным, что цель последней как раз и состоит в том, чтобы не допустить обеспечительные меры или обращение взыскания на имущество ЦБ по обязательствам Российской Федерации.

Все это действительно так, но в то же время очевидно, что *«Опасно становиться на путь противоположения духа и буквы закона. Необходимы твердые гарантии прав граждан и организаций»*²⁵. Кроме того, все-таки существуют достаточно серьезные основания утверждать, что принятие обеспечительных мер или мер по взысканию в отношении имущества, принадлежащего одному лицу, но закрепленному за другим, не является возложением ответственности на второе по долгам первого. Будь иначе, разве законодатель поставил бы рядом с нормой статьи 126 Гражданского кодекса РФ о том, что *«Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц, кроме случаев, предусмотренных законом»* в этой же статье норму о том, что *«Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование отвечают по своим обязательствам принадлежащим им на праве собственности имуществом, кроме имущества, которое закреплено за созданными ими юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, а также имущества, которое может находиться только в государственной или муниципальной собственности»*? Очевидно, что нет. Иными словами, статья 2 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» была бы сформулирована гораздо последовательнее, если бы в ней говорилось о невозможности принятия обеспечительных мер или мер по взысканию по обязательствам Российской Федерации в отношении закрепленного за ЦБ имущества. Безусловно, что в статье 126 Гражданского кодекса РФ имелось в виду и имущество ЦБ. Но кто же мог в тот момент предположить, что в законе о ЦБ не только не будет упомянут статус имущества последнего, но и он сам будет превращен в особую некоммерческую организацию, с учреждением не отождествляемую?

И коль скоро российское государство в данном вопросе проявило небрежность, к нему иностранным судом вполне может быть применен принцип толкования *Verba fortius accipiuntur contra proferentem* (Слова должны пониматься наиболее строго против того, кто использует их — *lat.*), в результате чего такой суд может прибегнуть к неблагоприятному толкованию, на которое было указано выше.

Соответственно, следует признать, что и второй возможный аргумент о

недопустимости осуществления заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ и против заграничного обращения взыскания на него, является, по меньшей мере, достаточно уязвимым, если не сказать большего.

Представляется, что причина этому — весьма непродуманные и нечеткие формулировки Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”. Весьма возможно, что подобная неопределенность была допущена сознательно. Однако, будучи “хорошей” для одних целей, она оказалась вредной для других, так что в итоге в отношении денежных средств ЦБ может иметь место осуществление заграничных обеспечительных мер или осуществление заграничного обращения взыскания по долгам Российской Федерации. Именно к этому привело пренебрежение со стороны законодателя спецификой природы ЦБ и особенностями правоотношений с иностранным элементом.

В связи с этим совсем не удивительно, что Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 1 апреля 1998 г. было принято Постановление № 131-СФ “О проекте федерального закона ”О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”²⁶, которым в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон ”О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”. В этом проекте предлагается часть первую статьи 2 изложить в следующей редакции: *“Банк России — федеральное государственное учреждение. Уставный капитал и иное имущество Банка России являются федеральной собственностью и принадлежат ему на праве хозяйственного ведения. Изъятие и обременение обязательствами имущества Банка России без согласия Банка России не допускаются. Банк России осуществляет свои расходы за счет собственных доходов”*²⁷ (следует особо отметить, что придание ЦБ в данном проекте статуса учреждения является еще одним из доводов в пользу того, что на сегодняшний день ЦБ как таковое рассматриваться не может). Данная формулировка четко определяет статус имущества, закрепленного за ЦБ, но в то же время сохраняет недостатки действующей статьи 2 Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”, не говоря уже о том, что она находится в противоречии со статьей 120 Гражданского кодекса РФ (предлагая такую новую форму некоммерческой организации как “самофинансируемое” учреждение), а также со статьей 296 Гражданского кодекса РФ (в которой говорится о том, что имущество за учреждением закрепляется на праве оперативного управления).

Но еще более интересна формулировка проекта федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон ”О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”, внесенного депутатами Государственной Думы Л.И. Маркеловым, В.А. Тарачевым и А.Г. Пузановским²⁸: *“Банк России является федеральным юридическим лицом публичного права (публично-правовым юридическим лицом)”*. Безусловно то, что на сегодня ЦБ и так является особым видом некоммерческой организации, но делать его еще и федеральным юридическим лицом публичного права было бы излишне.

Следует также отметить, что выводы, сделанные выше, могут иметь значение и для внутреннего российского оборота: последовательно доведя их до логического конца, можно формально утверждать, что и во внутреннем обороте обращение взыскания по долгам Российской Федерации на имущество ЦБ является возможным.

5. Анализ третьего возможного аргумента о недопустимости осуществления заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ или заграничного обращения взыскания на такое имущество (“абсолютный” иммунитет собственности Российской Федерации)

Любой, знакомый с основами отечественного международного частного права, в рассматриваемой ситуации не может не вспомнить о принципе “абсо-

лютного” иммунитета иностранного государства и его собственности от национальной юрисдикции другого государства, и не может не попытаться применить его в отношении имущества Российской Федерации: *“...на собственность иностранного государства не распространяется действие... принципа ”закон местонахождения вещи” (lex rei sitae), или, иными словами, в отношении этой собственности должны делаться изъятия из общего распространения на собственность иностранных лиц действия закона страны места нахождения имущества. Эти положения должны полностью применяться к государственной собственности РФ в тех случаях, когда государство или его органы не дали согласия на применение соответствующих принудительных мер в отношении российского имущества”*²⁹. Соответственно, исходя из этого, можно пытаться утверждать, что осуществление зарубежных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ или осуществление заграничного обращения взыскания на такое имущество без согласия российского государства будет являться, с точки зрения российского права, недопустимым.

Однако внимательный анализ действующего российского законодательства позволяет прийти к достаточно любопытному выводу: в нем четко закреплён принцип “абсолютного” иммунитета иностранного государства и его собственности на территории Российской Федерации, но в нем ничего не говорится о принципе “абсолютного” иммунитета Российской Федерации и ее собственности на территории иностранного государства. Зато утверждения о наличии у последних такого иммунитета можно изредка встретить в доктрине, причем такие утверждения либо относятся к советскому периоду, либо достаточно скупы (а иногда имеет место и то и другое).

В самом деле, в России продолжает действовать статья 435 “Иски к иностранным государствам. Дипломатический иммунитет” Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г., которая гласит: *“Предъявление иска к иностранному государству, обеспечение иска и обращение взыскания на имущество иностранного государства, находящееся в СССР, могут быть допущены лишь с согласия компетентных органов соответствующего государства.*

Аккредитованные в СССР дипломатические представители иностранных государств и другие лица, указанные в соответствующих законах и международных договорах СССР, подлежат юрисдикции советского суда по гражданским делам лишь в пределах, определяемых нормами международного права или международными договорами СССР.

В соответствии со статьей 61 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик в тех случаях, когда в иностранном государстве не обеспечивается советскому государству, его имуществу или представителям советского государства такая же судебная неприкосновенность, какая, согласно настоящей статье, обеспечивается иностранным государствам, их имуществу или представителям иностранных государств в СССР, Советом Министров СССР или иным уполномоченным органом может быть предписано в отношении этого государства, его имущества или представителя этого государства применение ответных мероприятий”. Как видно из данной нормы, принцип “абсолютного” иммунитета самой Российской Федерации и ее собственности на территории иностранных государств в ней не выражен: в ней только указывается на возможность такого иммунитета, существование которого зависит от права иностранных государств.

То же самое следует сказать и о статье 213 “Судебный иммунитет” Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г.: *“1. Предъявление в арбитражном суде иска к иностранному государству, привлечение его в качестве третьего лица к участию в деле, наложение ареста на имущество, принадлежащее иностранному государству и находящееся на территории Российской Федерации, и принятие по отношению к нему других мер по обеспечению иска, обращение взыскания на это имущество в порядке принудительного исполнения решения арбитражного суда допускаются лишь с согласия компетентных органов соответствующего государст-*

ва, если иное не предусмотрено федеральными законами или международными договорами Российской Федерации.

2. Судебный иммунитет международных организаций определяется федеральными законами и международными договорами Российской Федерации”.

Что касается Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. и Арбитражного процессуального кодекса РФ 1995 г., то вполне естественно, что в них ничего не может говориться об иммунитете Российской Федерации и ее собственности на территории иностранных государств: они посвящены регулированию деятельности российских судов, которые действуют в России, а не за рубежом. В связи с этим очевидно то, что принцип “иммунитета” Российской Федерации и ее собственности на территории иностранных государств должен вводиться не процессуальным регулированием Российской Федерации, а специальным законом, подобным уже упоминавшемуся проекту федерального закона “Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом”. Недаром о таком специальном законе говорится и в статье 127 Гражданского кодекса РФ: “*Особенности ответственности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств определяются законом об иммунитете государства и его собственности*”.

Ввиду этого любые ссылки на то, что два указанных процессуальных кодекса устанавливают принцип “абсолютного” иммунитета Российской Федерации и ее собственности³⁰, неправоильны и бессмысленны.

Так что же, во внутреннем отечественном праве нет никаких действующих актов, которые прямо устанавливали бы принцип “абсолютного” иммунитета Российской Федерации и ее собственности за границей? Ответ должен быть следующим: да, таких актов не существует.

Однако нельзя не сказать о том, что в российском праве имеется нормативный акт, из которого данный принцип усматривается косвенно. Речь идет о статье 23 “Иммунитет государства” Федерального закона от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ “О соглашениях о разделе продукции”³¹: “*В соглашениях, заключаемых с иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами, может быть предусмотрено в соответствии с законодательством Российской Федерации отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении предварительного обеспечения иска и исполнения судебного и (или) арбитражного решения*”³². Заметим сразу, что в данной статье ничего прямо не говорится об иммунитете государственной собственности. Далее, вполне очевидно, что в этой статье идет речь только об отказе Российской Федерации от иммунитета при рассмотрении споров вне пределов России. Как известно, согласно пункту 3 статьи 62 Конституции Российской Федерации “*Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации*”, а в России не существует федеральных законов, которые как-то ограничивали бы права иностранных лиц³³ обращаться в российские суды с требованиями к Российской Федерации, ходатайствовать о принятии обеспечительных мер или об исполнении вынесенного решения в отношении принадлежащего ей имущества, или которые прямо устанавливали бы для Российской Федерации возможность заявлять о своем иммунитете в отношении таких требований и ходатайств. Соответственно, и Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. (статья 433), и Арбитражный процессуальный кодекс РФ 1995 г. (статья 210) также исходят из принципа “национального режима” в отношении процессуального статуса иностранных лиц. Из этого же исходит статья 10 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ “Об иностранных инвестициях в Российской Федерации”³⁴.

Правда, в этой связи не совсем понятно соотношение между процитирован-

ной статьёй 23 Федерального закона “О соглашениях о разделе продукции” и его же статьёй 22, которая предусматривает: *“Споры между государством и инвестором, связанные с исполнением, прекращением и недействительностью соглашений, разрешаются в соответствии с условиями соглашения в суде, в арбитражном суде или в третейском суде (в том числе в международных арбитражных институтах)”*. Не исключено, что статью 23 некоторые будут толковать как устанавливающую и для российских судов принцип “абсолютного” иммунитета Российской Федерации и ее собственности в отношениях с иностранными лицами. При таком подходе статья 22 будет пониматься как устанавливающая только право на иск в процессуальном смысле, в то время как реализация права на иск в материальном смысле будет возможна только при условии отказа российского государства от своего иммунитета. Однако с таким подходом согласиться нельзя: представляется, что имеющиеся неточные формулировки этих двух статей явились результатом недосмотра не полностью знакомого с проблематикой законодателя, а не каким-то выражением его особого намерения. Ввиду этого статья 23 Федерального закона “О соглашениях о разделе продукции” должна толковаться ограничительно, как имеющая в виду возможность отказа российского государства от иммунитета при рассмотрении споров именно вне пределов России.

На основании сказанного, допустимо считать, что Федеральный закон “О соглашениях о разделе продукции” косвенно выражает идею наличия у Российской Федерации “абсолютного” иммунитета на территории иностранных государств. Однако при этом не следует забывать и о том, что такое косвенное указание ничего не упоминает об иммунитете собственности Российской Федерации, а также то, что оно содержится в специальном нормативном акте, посвященном специфическим соглашениям о разделе продукции, в то время как в каком-либо общем правовом акте оно отсутствует.

Какие-либо другие общедоступные на настоящий момент нормативные акты Российской Федерации, из которых вытекало бы прямо или косвенно, что отечественное право рассматривает Российскую Федерацию и ее собственность как обладающих “абсолютным” иммунитетом в иностранных государствах, автору обнаружить не удалось. Вместе с тем нельзя исключать их наличие в той части советского законодательства (могущего продолжать действовать в России), которое относится к двадцатым-тридцатым годам нынешнего XX столетия. В это время в советском праве шло активное утверждение принципа “абсолютного” иммунитета, и возможности появления каких-то нормативных актов по этому вопросу исключить нельзя, особенно принимая во внимание, что в тот период Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР в некоторых из своих многочисленных циркуляров пытался разъяснить позицию СССР по определенным вопросам международного частного права.

Однако даже если упоминание о принципе “абсолютного” иммунитета содержится только в статье 23 Федерального закона “О соглашениях о разделе продукции”, оно, несмотря на всю свою косвенность, весьма весомо.

Но несмотря на это, есть основания утверждать, что оно является не более чем исключением из общего правила отечественного права, не признающего принцип “абсолютного” иммунитета российского государства и его собственности на иностранной территории.

Так, пункт 1 статьи 124 Гражданского кодекса РФ предусматривает: *“Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами”*. Далее, часть 4 пункта 1 статьи 2 этого же кодекса гласит: *“Правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное*

не предусмотрено федеральным законом'. Отсюда следует вывод: Российская Федерация как субъект права выступает в гражданско-правовых отношениях на равных началах с иностранными гражданами, лицами без гражданства и иностранными юридическими лицами, если иное не предусмотрено федеральным законом. Наконец, правило пункта 1 статьи 126 Гражданского кодекса РФ о том, что *"Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование отвечают по своим обязательствам принадлежащим им на праве собственности имуществом..."* в силу той же части 4 пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ применимо и тогда, когда Российская Федерация вступает в гражданско-правовые отношения с иностранными гражданами, лицами без гражданства и иностранными юридическими лицами, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Следует особо отметить, что при этом по смыслу приведенных норм для российского права не имеет значения, где локализованы такие правовые отношения: в России или за рубежом. Во-первых, коль скоро ничто в приведенных нормах не указывает на территориальный характер их действия, следует исходить из того, что они могут иметь и экстерриториальное применение, то есть с точки зрения отечественного права они могут быть применены и к правоотношениям, локализованным за пределами России. Во-вторых, необходимо исходить из того, что российское право (впрочем, как и любая другая национальная система права) рассматривает само себя как обладающее "универсальной применимостью", "всеобъемлющей" способностью регулировать любое правоотношение, в том числе с иностранными характеристиками, несмотря на то, что это правоотношение по своей природе может быть таково, что к нему следовало бы все же применить иностранное право. Именно в этом состоит смысл части 4 пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ³⁵, имеющей в виду общее правило применения в сфере действия российского права самого российского права, независимо от того, где отношения пространственно расположены, ввиду чего исключения из такого правила "всеобщего" применения российского права могут устанавливаться только путем допущения применения иностранного права, то есть только при помощи закрепленных в федеральном законе двусторонних коллизионных норм: *"Вообще говоря, право каждой страны обладает способностью ко всеохватывающему регулированию социальных отношений... Однако, несмотря на свою способность к всеохватывающему регулированию, национальная правовая система строит регламентацию на существовании и других национальных правовых систем"*³⁶.

Ввиду всего этого и пункт 1 статьи 124, и пункт 1 статьи 126 Гражданского кодекса РФ с точки зрения отечественного права применимы к любым отношениям, в том числе имеющим место за границей.

Так можно ли в таких условиях говорить о том, что с точки зрения Гражданского кодекса РФ в отношениях с иностранными гражданами, лицами без гражданства и иностранными юридическими лицами (причем где бы они с пространственной точки зрения ни возникали и ни реализовывались) Российская Федерация и ее собственность по общему правилу пользуются иммунитетом? Очевидно, что нельзя: против этого свидетельствует уже упоминавшийся пункт 1 статьи 124 и пункт 1 статьи 126 Гражданского кодекса РФ. Однако при этом нельзя не заметить, что последние устанавливают отсутствие такого иммунитета не при помощи прямого указания, а путем приравнивания Российской Федерации и ее собственности к другим субъектам гражданско-правового оборота и их собственности.

В таком случае смысл статьи 127 Гражданского кодекса РФ (*"Особенности ответственности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств определяются законом об иммунитете государства и его собственности"*) становится ясным и понятным: последняя предусматривает возможность в ряде случаев не допустить возложение на Рос-

сийскую Федерацию ответственности и защитить ее имущество при помощи наделения их соответствующими видами иммунитетов.

Таким образом, из сказанного следует, что Гражданский кодекс РФ в качестве общего правила устанавливает отсутствие у Российской Федерации и ее собственности в отношениях с иностранными лицами какого-либо особого правового статуса и отсутствие у них каких-либо иммунитетов, но в то же время допускает возможность исключений из этого правила, вводимых специальным законом об иммунитете государства и его собственности. Положение именно таково: ошибочно мнение о том, что в качестве общего правила Российской Федерации и ее собственности изначально пользуются каким-либо иммунитетом, а изъятия из него должны быть установлены специальным законом³⁷. Такой подход противоречит самой сути Гражданского кодекса РФ, нацеленного на создание такого общества и такого оборота, в котором государство не пользуется какими-либо привилегиями. Конечно же, подобный подход мог быть возможен в правовой системе СССР, базировавшейся на специфических экономических устоях, однако он совершенно неприемлем в современной России.

Наконец, в подтверждение позиции автора настоящей статьи нельзя не сослаться и на Заключение Президента РФ на проект федерального закона "Об управлении государственными внешними финансовыми активами, унаследованными Российской Федерацией"³⁸, в котором, в частности, указывалось: *"В соответствии с нормами международного права собственность на имущество (в том числе государственное) определяется по праву государства, где это имущество находится ("закон места нахождения вещи"). При этом иностранная государственность пользуется функциональным иммунитетом.*

Если государство использует свою собственность в целях обеспечения своего суверенитета или выполнения государственно-политических функций, то есть как субъект международного права, например, для содержания дипломатических и консульских представительств, это имущество всегда пользуется иммунитетом против юрисдикции государства его нахождения. Однако если государство (через специально уполномоченные органы) принимает участие в имущественном обороте либо в коммерческой деятельности, то оно рассматривается как иностранное частное лицо и его государственность иммунитетом не пользуется. Оборот такого имущества регулируется нормами международного частного права и законодательством страны нахождения имущества, при этом иностранное государство по отношению к стране нахождения имущества выступает на равных правах с иными участниками этих отношений — с иностранными юридическими и физическими лицами. Такой подход закреплен в Европейской конвенции об иммунитете государств от 16 мая 1972 г., которую в соответствии с общепризнанной международной практикой Российская Федерация может рассматривать как кодифицированный свод обычных норм международного права. Тем более, что статьей 127 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрена необходимость принятия специального закона об иммунитете государства и его собственности, который определит особенности ответственности Российской Федерации и ее субъектов в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств".

Подобная позиция главы российского государства не только свидетельствует в пользу того, что с точки зрения отечественного права Российская Федерация и ее собственность не пользуются каким-либо иммунитетом в отношениях с иностранными лицами, но также позволяет отвергнуть защищавшийся советской доктриной взгляд, согласно которому *"Судебный иммунитет следует рассматривать как институт международного публичного права, действие которого отражено в гражданском и уголовном процессе государств — в нормах, относящихся, в частности, к международной подсудности"*³⁹. На сегодня, по меньшей мере, можно считать, что Президент Российской Федерации и поддерживающая его исполнительная власть в качестве признанного института международного права

рассматривают, как видно из вышеизложенного, не принцип “абсолютного” иммунитета, а принцип “функционального” иммунитета.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: статья 23 “Иммунитет государства” Федерального закона “О соглашениях о разделе продукции” (“*В соглашениях, заключаемых с иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами, может быть предусмотрен в соответствии с законодательством Российской Федерации отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении предварительного обеспечения иска и исполнения судебного и (или) арбитражного решения*”) либо противоречит Гражданскому кодексу РФ, либо как раз и является самым первым исключением из принципа отсутствия “абсолютного” иммунитета у Российской Федерации и ее собственности, причем применимым только в отношении соглашений о разделе продукции. Представляется, что первый вариант более соответствует истине: при выработке Федерального закона “О соглашениях о разделе продукции”, законодатель, очевидно, что-то услышав о принципе “абсолютного” иммунитета, решил упомянуть и о нем, не посчитав нужным исследовать вопрос о том, каковы его особенности в современном российском регулировании.

В свете сказанного следует сформулировать следующий вывод: российское право рассматривает принцип “абсолютного” иммунитета как действующий только в отношении иностранных государств и их собственности на территории Российской Федерации, но не в отношении Российской Федерации и ее собственности на территории иностранных государств. Российское право рассматривает Российскую Федерацию и ее собственность, как не пользующихся, по общему правилу, каким-то особым правовым статусом и какими-либо иммунитетами в отношениях с иностранными лицами, где бы они ни возникли и ни реализовывались. Сказанное означает, что отечественное право, отвергая для Российской Федерации и ее собственности принцип “абсолютного” иммунитета, путем умолчания фактически устанавливает для них принцип “функционально-го” иммунитета.

Таким образом, и третий возможный аргумент о недопустимости осуществления заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ и против заграничного обращения взыскания на него не является, в конечном итоге, основательным.

Соответственно, по большому счету ничто в российском праве не может рассматриваться как препятствующее осуществлению заграничных обеспечительных мер против федерального имущества ЦБ или осуществлению заграничного обращения взыскания на него.

6. Некоторые выводы

Рассмотренная проблема позволила нам придти к ряду любопытных заключений, начиная от указаний на несовершенство Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и неопределенность правового статуса ЦБ и его имущества (включая возможность обращения взыскания на последнее по долгам самой Российской Федерации, причем невзирая на раздельную правосубъектность ее и ЦБ), и заканчивая достаточно интересным выявлением места принципа “абсолютного” и принципа “функционального” иммунитета в отечественном праве. По поводу последних следует указать еще на несколько моментов.

Так, можно утверждать, что в современном позитивном отечественном праве наблюдается следующее асимметричное положение: последнее наделяет на территории Российской Федерации иностранные государства и их собственность “абсолютным” иммунитетом, в то время как Российская Федерация и ее собственность на территории иностранных государств не рассматриваются им как имеющие “абсолютный” иммунитет. Конечно же, в доктрине, как уже говорилось, иногда встречаются упоминания о том, что Российская Федерация и ее

собственность обладают “абсолютным” иммунитетом на территории иностранных государств, но такие упоминания или скупы, или носят несерьезный характер, или же устарели как принадлежащие к советскому периоду, и, кроме того, их нельзя приравнять к нормативным предписаниям.

Но более того — данное положение не только асимметрично, но и поставлено с ног на голову. В самом деле, интересам российского государства гораздо более соответствовало бы положение, при котором отечественное право рассматривало бы иностранные государства и их собственность как обладающих “функциональным” иммунитетом на территории Российской Федерации, в то время как Российская Федерация и ее собственность на территории иностранных государств наделялись бы им не всегда, но в ряде случаев “абсолютным” иммунитетом. При этом не имеет значения то, что такая позиция не находила бы поддержки в иностранных государствах: российскому праву важно самому определиться в данных вопросах, и на этой основе определять свое отношение к соответствующим действиям иностранных лиц, судов и органов, затрагивающим статус российского государства его собственности.

В любом случае, нельзя признать приемлемой ситуацию, при которой принцип “абсолютного” иммунитета закреплен в отечественном праве в односторонней форме в виде допущения его для иностранных государств и их собственности с одновременным его неприменением к Российской Федерации и ее собственности за границей. Само собой разумеется, что в сфере юрисдикции самой России ни в коем случае не следует в качестве общего правила закреплять принцип “абсолютного” иммунитета Российской Федерации и ее собственности в отношении с участием иностранных лиц.

Отмеченное положение вещей является результатом одной единственной причины, а именно невнимания российских нормотворцев к международному частному праву.

Так, сегодняшнее наличие на территории Российской Федерации у иностранных государств и их собственности “абсолютного” иммунитета обусловлено только отсутствием нового регулирования, ввиду чего продолжает действовать прежнее советское, которое, как известно, исходило из необходимости наделять иностранных государств и их собственности на территории СССР подобным иммунитетом. С одной стороны, СССР тем самым надеялся побудить иностранные государства также взаимно рассматривать его самого и его собственность как обладающих таким же иммунитетом на их территории. Впрочем, это совсем не помогало, и развитые иностранные государства, выработав доктрину “функционального” иммунитета, применяли ее в том числе и в отношении СССР и его имущества. С другой стороны, для СССР, который утверждал, что он и его имущество всегда обладают “абсолютным” иммунитетом, не оставалось ничего иного, как признавать такой же иммунитет и за иностранными государствами и их собственностью: в противном случае имело бы место использование двойных стандартов. В итоге же иностранные государства и их имущество благодаря позиции самого СССР действительно пользовались на его территории “абсолютным” иммунитетом, но сам СССР и его имущество благодаря их позиции таковым на их территории не пользовались. Тем не менее, СССР отказаться от принципа “абсолютного” иммунитета не мог по экономическим причинам: такой отказ мог бы способствовать увеличению количества исков к СССР и исков по поводу имущества, рассматривавшегося им как свое собственное, а это все могло означать уменьшение валютных запасов СССР. Соответственно, для СССР принцип “абсолютного” иммунитета имел существенное экономическое значение. Однако необходимости в правовом закреплении этого принципа применительно к самому себе и к своему имуществу за границей у СССР не было: что касается иностранных государств, то в случае возникновения в них вопроса об иммунитете СССР и его собственности СССР предпочитал воздействовать на них не столько правовыми аргументами, сколько политическими средствами. Равным

образом во внутреннем советском праве отсутствовала необходимость выработки какой-либо четкой правовой позиции по отношению к действиям, имеющим место за границей и отрицающих “абсолютный” иммунитет СССР и его собственности: соображения идеологии однозначно квалифицировали их как неподобные, и этого оказывалось достаточно. Вероятно, именно в этом кроется ответ на вопрос о том, почему в советском праве не был закреплен принцип “абсолютного” иммунитета СССР и его собственности за границей, и именно этим объясняется, почему утверждения о таком иммунитете встречаются только в доктрине: правовое регулирование данного вопроса являлось излишним, так как с точки зрения идеологии позиция уже была ясна. Идеология же в СССР всегда доминировала над правом. В итоге советский законодатель просто пренебрег необходимостью закрепления соответствующих положений в законодательстве.

В российском международном частном праве как наследнике советского в данном плане мало что изменилось, и тем же самым невниманием российских нормотворцев к международному частному праву объясняется то, что за границей Российская Федерация и ее имущество до сих пор не рассматриваются отечественным правом как обладающие “абсолютным” иммунитетом. Между тем советские реалии уже давно исчезли, и отечественному праву не остается ничего иного, как забыть в этом вопросе об идеологии и начать выработать развитое регулирование, тем более что у России уже не имеется тех рычагов политического давления, какие были у СССР. Иными словами, сегодня бороться против действий, имеющих место за границей и каким-либо образом затрагивающих статус России и ее собственности, можно только правовыми способами, и среди них собственная зафиксированная в законе позиция российского государства играла бы не последнюю роль. Нельзя спорить с тем, что было бы “логично предположить, что в том случае, когда государство признает в своем законодательстве абсолютный иммунитет иностранных государств, как это делает Российская Федерация, оно подобным образом косвенно предполагает свое право заявить об абсолютном государственном иммунитете, в частности, и в том государстве, которое приобретает теории функционального государственного иммунитета”⁴⁰. Как известно, именно так и поступал СССР⁴¹. Однако еще более верно то, что российскому праву когда-то все же надо начать отказываться от подобных предположений и вводить нормальное и полноценное регулирование сложных вопросов международного гражданского и торгового оборота.

На сегодняшний день имеет место весьма уникальная ситуация: вместо создания адекватного регулирования достаточно важного правового института иммунитета российского государства и его собственности за границей почему-то считается допустимым для его обоснования использовать ссылки на скудную или устаревшую доктрину, и этим ограничиваться. Это, пожалуй, тот самый редкий случай, когда доктрина становится источником права. Иногда используется и другой, ничем не лучший вариант, а именно ссылки для обоснования такого иммунитета на российские процессуальные кодексы, в которых данный вопрос регулироваться не может принципиально.

Вместе с тем, нельзя считать, что та ситуация, при которой Российская Федерация и ее собственность на территории иностранных государств не рассматриваются отечественным правом как имеющие “абсолютный” иммунитет, является его осмысленной и целенаправленной позицией. Скорее, данная ситуация выступает в виде результата некоторой нерасторопности законодателя. В самом деле, разве не нужно было в Гражданском кодексе РФ по общему правилу приравнять статус Российской Федерации и ее имущества к статусу других субъектов гражданского оборота и их имущества? Разве не нужно было там же в качестве общего принципа распространять на отношения с иностранными лицами нормы российского права? Да, все это было нужно, и только так и следовало поступать. В то же время ничто не мешало тому, чтобы после принятия Гражданского кодекса РФ в соответствии с его статьей 127 принять закон об иммунитете Российской Федерации

и ее собственности, в котором можно было бы провозгласить в ряде случаев “абсолютный” иммунитет последних, как это делается за границей.

Ввиду этого можно утверждать, что, даже если, по большому счету, ничто в российском праве не может рассматриваться как препятствующее осуществлению заграничных обеспечительных мер против федерального имущества или осуществлению заграничного обращения взыскания на него, это не значит, что российское право относится к последним положительно. Более точным было бы сказать, что оно к ним относится индифферентно, не одобряя, но в то же время и не запрещаая их, а именно допуская в силу подходов и основ, провозглашенных в Гражданском кодексе РФ.

Соответственно, сегодня действительно существует необходимость в разработке и принятии в России закона об иммунитете иностранных государств и их собственности в Российской Федерации, а также закона об иммунитете Российской Федерации и ее собственности в отношениях с иностранными лицами, причем возникающих как в России, так и за ее пределами.

Обосновывать необходимость в принятии первого большой необходимости нет: на настоящий момент принцип “абсолютного” иммунитета иностранного государства на территории России устарел, не отвечает требованиям гражданского оборота, интересам российских субъектов права, ввиду чего такое положение следует изменить хотя бы для того, чтобы российское законодательство продолжало оставаться на соответствующем уровне, а не начало деградировать. И работа по принятию данного закона уже идет: в настоящее время Центр частного права при Президенте РФ осуществляет разработку закона “Об юрисдикционном иммунитете иностранного государства и его собственности”⁴².

Само собой разумеется, что это не тот закон, который упоминается в статье 127 Гражданского кодекса РФ. Насколько известно автору, на сегодня такой специальный закон об иммунитете Российской Федерации и ее собственности в отношениях с иностранными лицами никем не разрабатывается. Единственное, что было сделано в данном плане, — это попытка закрепить на уровне закона принцип “абсолютного” иммунитета собственности Российской Федерации за границей: как уже говорилось, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации Постановлением № 4017-II ГД приняла текст проекта федерального закона “Об управлении собственностью Российской Федерации, находящейся за рубежом”, который был одобрен Советом Федерации, но отклонен Президентом Российской Федерации. Однако, само собой разумеется, что предложенного в этом законопроекте было более чем недостаточно. В частности, в нем не затрагивались вопросы иммунитета самой Российской Федерации и ее субъектов. Далее, принцип “абсолютного” иммунитета собственности Российской Федерации за границей носил в нем излишне общий, бескомпромиссный, негибкий и абсолютный характер. Между тем, уже давно известно, что международный гражданский и торговый оборот не терпит жесткого и абстрактного регулирования.

Таким образом, задача, поставленная в статье 127 Гражданского кодекса РФ, не решена до сих пор. Но следует отметить, что государственные органы о ней периодически вспоминают. На необходимость принятия упомянутого закона указывал Минфин РФ в своем письме от 1 апреля 1998 г. N 19-15/1Г⁴³. Далее, о необходимости его наличия говорилось в разделе 5.11 Программы Правительства Российской Федерации “Структурная перестройка и экономический рост в 1997-2000 годах”, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 31 марта 1997 г. № 360 “Об утверждении программы Правительства Российской Федерации “Структурная перестройка и экономический рост в 1997-2000 годах”⁴⁴. Тем не менее, далее таких упоминаний дело не пошло.

На первый взгляд, принятие подобного закона не является насущно необходимым. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Дело не в том, что отечественная экономика и отечественное право не нуждаются в таком законе, сколько

в том, что у российских властей отсутствует стремление проводить какую-либо внятную и четкую детальную политику по отношению к иностранным лицам и иностранным государствам в частноправовой сфере. Положение дел в сфере регулирования, например, внешней торговли и иностранных инвестиций свидетельствует об этом достаточно наглядно. Тем не менее, следует надеяться, что когда-нибудь положение изменится, и закон об иммунитете Российской Федерации и ее собственности в отношениях с иностранными лицами, причем возникающих как в России, так и за ее пределами, станет достаточно важной частью той системы правового регулирования, при помощи которой российское государство и российское право смогут идентифицировать себя в международном гражданском и торговом обороте.

Следует также подчеркнуть, что данный закон мог бы стать важным звеном в цепи нормативных актов, направленных на экстерриториальное действие российского права. Развитие западного мира показывает, что эффективная национальная экономика является экспансионистской, а требования ее дальнейшего развития неизбежно приводят к необходимости придания национальному законодательству экстерриториальных черт, которые, в свою очередь, опять-таки способствуют развитию экономики. Российские власти до сих пор до конца это не осознали, хотя достаточно очевидно, что придание отечественному праву подобных характеристик могло бы существенно помочь экономическому и политическому укреплению России. Впрочем, это уже тема для отдельного разговора.

А.И. Муранов,

партнер международной юридической фирмы "ММЦП и К⁰",
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
международного частного и гражданского права
МГИМО (Университета) МИД РФ.

Подробнее об авторе см. в № 4 нашего журнала за 1999 год.

¹ Однако, далее следует исходить из того, что в ряде случаев такая возможность присутствует.

² Коль скоро в настоящей статье речь идет о закреплённой за ЦБ федеральной собственности, то далее преимущественно будет говориться только о Российской Федерации и ее имуществе. При этом не следует забывать, что помимо самой Российской Федерации существуют еще и ее субъекты, и они также являются частью российского государства, равно как и их имущество относится к государственной собственности. Ввиду этого выводы, которые приводятся ниже применительно к Российской Федерации и ее собственности, могут быть применены также и к субъекту Российской Федерации и его собственности.

³ Вот как он описывается в отечественной литературе: *"Иммунитет государства основывается на том, что оно обладает суверенитетом, что все государства равны. Это начало международного права выражено в следующем изречении: "Par in parem non habet imperium" ("Равный не имеет власти над равным" — лат.)*

В теории и практике государств обычно различают несколько видов иммунитета: судебный, от предварительного обеспечения иска и от принудительного исполнения решения.

Судебный иммунитет заключается в неподсудности одного государства судам другого государства ("Par in parem non habet jurisdictionem" — "Равный над равными не имеет юрисдикции" — лат.). Без согласия государства оно не может быть привлечено к суду другого государства. ...

Иммунитет от предварительного обеспечения иска состоит в следующем: нельзя в порядке предварительного обеспечения иска принимать без согласия государства какие-либо принудительные меры в отношении его имущества. ...

Под иммунитетом от исполнения решения понимается следующее: без согласия

государства нельзя осуществить принудительное исполнение решения, вынесенного против государства.

Наряду с этими тремя видами иммунитета говорят еще об иммунитете собственности государства...

Все эти иммунитеты связаны между собой, потому что их основа одна — суверенитет государства, который не позволяет применять в отношении государства какие-либо принудительные меры'. — Богуславский М.М. Международное частное право. — М., 1998, с. 150-151. Иными словами, согласно данному принципу государство пользуется иммунитетом всегда и независимо от того, носят ли его действия характер *de jure imperii* (проявления государственной власти — *лат.*) или же характер *de jure gestionis* (частноправовой — *лат.*).

Соответственно, данному принципу противопоставляется теория “функционального иммунитета”, согласно которой государство и его собственность пользуются иммунитетом только тогда, когда действия государства имеют характер *de jure imperii*: “Согласно этой теории, когда государство действует как суверен, совершает акт властвования, оно всегда пользуется иммунитетом. Если же государство совершает действия в качестве частного лица, осуществляет внешнеторговые операции, то есть занимается какой-либо коммерческой деятельностью, то оно иммунитетом не пользуется”. — Богуславский М.М. Международное частное право. — М., 1998, с. 151.

Само собой разумеется, что говоря далее о принципе иммунитета государства и его собственности, автор будет иметь в виду его действие в сфере международного гражданского и торгового оборота.

⁴ В редакции Федерального закона от 26 апреля 1995 г. N 65-ФЗ “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О Центральном банке РСФСР (Банке России)” — Российская газета, 1995, 4 мая; Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 18, ст. 1593.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 24, ст. 2926.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 24, ст. 2909.

⁷ Не опубликовано. Цит. по: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

⁸ Не опубликовано. Цит. по: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

⁹ Федеральный закон от 5 июня 1996 г. N 62-ФЗ “О перечислении прибыли Центрального банка Российской Федерации в федеральный бюджет” — Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 24, ст. 2812; Российская газета, 1996, 8 июня. Об отрицательном отношении ЦБ к этому Федеральному закону см.: Заявление Банка России от 10 июня 1996 г. — Вестник Банка России, 1996, № 28.

¹⁰ Российская газета, 1996, 21 февраля.

¹¹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 29, ст. 1012.

¹² Российская газета, 1995, 4 мая; Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 18, ст. 1593.

¹³ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 48, ст. 1667.

¹⁴ Правовое регулирование банковской деятельности / Е.А. Суханов (отв. ред.) — М., 1997, с. 26.

¹⁵ Гейвандов Я.А. Правовое положение Центрального Банка Российской Федерации — Государство и право, 1997, № 11, с. 76.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Так, Фомина О.Е. применительно к статье 2 Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” пишет: “Центральный банк осуществляет полномочия по владению, пользованию и распоряжению указанным имуществом (часть 1 статьи 2 закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”), то есть располагает в отношении его ограниченным вещным правом — правом хозяйственного ведения” — Постатейный комментарий к Федеральному закону “О Центральном банке Российской Федерации (Банке

России)". — цит. по: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07; *Правовое регулирование банковской деятельности* / Е.А. Суханов (отв. ред.) — М., 1997, с. 26.

¹⁸ *Гейвандов Я.А.* Правовое положение Центрального Банка Российской Федерации — Государство и право, 1997, № 11, с. 76.

¹⁹ *“Юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации)”*.

²⁰ См., например: *Гейвандов Я.А.* Правовое положение Центрального Банка Российской Федерации — Государство и право, 1997, № 11, с. 75-76.

²¹ *Российская газета*, 1996, 24 января; Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 3, ст. 145. В данный Закон были внесены изменения Федеральным законом от 26 ноября 1998 г. № 174-ФЗ и Федеральным законом от 8 июля 1999 г. № 140-ФЗ.

²² Статья 3 Федерального закона “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”.

²³ *Гейвандов Я.А.* Правовое положение Центрального Банка Российской Федерации — Государство и право, 1997, № 11, с. 76.

²⁴ Равно как и в пункте 7 не отменявшегося “Временного положения о порядке обращения взыскания на имущество организаций”, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 февраля 1996 г. № 199 “О некоторых мерах по реализации решений об обращении взыскания на имущество организаций” (*“Арест может быть наложен только на имущество должника, принадлежащее ему на праве собственности или хозяйственного ведения, а также оперативного управления (за исключением имущества учреждений и объектов, изъятых из оборота либо ограничиваемых в обороте), независимо от того, где и в чьем фактическом пользовании оно находится”*).

²⁵ *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. — М., 1963, с. 95.

²⁶ *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1998, № 14, ст. 1516.

²⁷ Не опубликовано. Цит. по: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

²⁸ Не опубликовано. Цит. по: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

²⁹ *Богуславский М.М.* Международное частное право. — М., 1998, с. 190

³⁰ См., например: *Белов А.П.* Иммунитет государства от иностранной юрисдикции. — Право и экономика, 1997, № 3, с. 21.

³¹ *Российская газета*, 1995, 11 января; Собрание законодательства Российской Федерации, 1996 г., № 1, ст. 18. Федеральным законом от 7 января 1999 г. № 19-ФЗ в данный Федеральный закон внесены изменения — *Российская газета*, 1999, 14 января; Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 2, ст. 246.

³² Можно также упомянуть о том, что в статье 20 утратившего в России силу Кодекса торгового мореплавания Союза ССР (утвержденного Указом Президиума ВС СССР от 17 сентября 1968 г.) говорилось: *“На суда, находящиеся в собственности Советского государства, не может быть наложен арест или обращено взыскание без согласия Совета Министров СССР”*. В этой статье принцип “абсолютного иммунитета” государственного имущества был выражен не косвенно, а прямо, хотя нельзя не отметить, что она действовала в отношении особого имущества, и, кроме того, в ней не упоминалось о том, что принудительные меры могут приниматься в иностранных государствах. В новом Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (*Российская газета*, 1999, 1-5 мая; Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 18, ст. 2207) подобной нормы не имеется.

³³ Согласно толкованиям, данным Конституционным Судом Российской Федерации, нормы Конституции о правах человека и гражданина распространяются на юридические лица в той степени, в какой эти права по своей природе могут быть к ним применимы. См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года “О федеральных органах налоговой полиции” — Российская газета, 1996, 26 декабря; Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 1, ст. 197; Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 1996, № 5.

³⁴ *“Спор иностранного инвестора, возникший в связи с осуществлением инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, разрешается в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами в суде или арбитражном суде либо в международном арбитраже (третейском суде)”* — Российская газета, 1999, 14 июля; Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 28, ст. 3493.

³⁵ *“Правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом”*.

³⁶ Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. — М., 1984, с. 20.

³⁷ Бакатин Д.В., Ковалева Т.К., Жарикова Е.С. Иммуниет государства в конституционном и гражданском праве: отдельные аспекты теории и практики. — Вестник Московского университета. Серия 11 “Право”, 1996, № 6, с.28-29, 34-35; Белов А.П. Иммуниет государства от иностранной юрисдикции. — Право и экономика, 1997, № 3, с. 22.

³⁸ Российская газета, 1998, 13 мая.

³⁹ Луц Л.А. Курс международного частного права. Международный гражданский процесс. — М., 1976, с. 116.

⁴⁰ Бакатин Д.В., Ковалева Т.К., Жарикова Е.С. Иммуниет государства в конституционном и гражданском праве: отдельные аспекты теории и практики. — Вестник Московского университета. Серия 11 “Право”, 1996, № 6, с.28-29, 28-29.

⁴¹ Белов А.П. Иммуниет государства от иностранной юрисдикции. — Право и экономика, 1997, № 3, с. 19.

⁴² ЭЖ-Юрист, 1998, № 36, с. 5.

⁴³ Не опубликовано. Цит. по: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

⁴⁴ Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 19, ст. 2230.

Статья поступила в редакцию в декабре 1999 г.